

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Юрий ГОНЧАРОВ

Оскомина от Горького

Литературные новости. — 1992. — окт. (№ 13) — с. 14

Свидетельствует З. Н. Гиппиус: «При начале власти большевиков Горький держался как-то невыясненно, неопределенно. Помню, как в ноябре 17 года я сама лично кричала Горькому (в последний раз, кажется, его видела тогда): «...а ваша собственная совесть что вам говорит? Ваша внутренняя человеческая совесть?», а он, на просьбы хлопотать перед большевиками за сидящих в крепости министров (Временного правительства, арестованных после октябрьского переворота — Ю. Г.), только лапал плухо: «Я с этими мерзавцами... и говорить... не могу».

Она же: «Горький... почти преступник. К нему сегодня пришла сестра этого несчастного Шингарева, а он ее выгнал. И сказал Ив. Ив. (с какими глазами?), что «вот если б Ленин был в этом положении, я бы помог, а Шингареву помогать не хочу».

Шингарев и Кокошкин были растерзаны матросами в Мариинской больнице в ночь на 7 января 1918 года.

«Я помню как после этого убийства — пишет Шалапин, — потрясенный Горький предложил мне пойти с ним в министерство юстиции хлопотать об освобождении других арестованных членов правительства». Шалапин «замечал в нем (Горьком — Ю. Г.) много нежности к тому классу, которому угрожала гибель».

Снова З. Н. Гиппиус: «...И. И. ездил к Горькому, опять из-за брата (ведь у И. И. брата арестовали.) Рассказывает. Попал на обед, по несчастью. Мне не предложили, да я бы и не согласился ни за что взять его, горьковский, кусок в рот. Но, признаюсь, был я голоден, и неприятно очень было: и котлеты, и огурцы свежие, кисель черничный...»

Бедный И. И., когда-то буквально спасший Горького от смерти! За это ему теперь позволяется смотреть, как Горький обедал. И только. Потому что на просьбу относительно брата Горький ответил: «Вы мне надоели! Ну и пусть вашего брата расстреляют! До революции врач И. И. Манухин, применяя открытый им способ лечения туберкулеза, пользовал Горького.

Горький «каждо скупает всякие вазы и эмали у презренных «буржуев», умирающих с голоду. (У старика Е., интеллигентного либерала, больного, сам приехал смотреть остатки китайского фарфора. И как торговался!) Часы сидит, перетирает эмали, любитесь приобретенным... и, верно, думает, бедняжка, что это страшно «культурно». В последнее время стал скупать и порнографические альбомы. Зино-вий Гребжебин поставляет Горькому и царские сторублевки (З. Н. Гиппиус, «Черная книжка»).

Коллекционные увлечения Алексея Максимовича отмечает и доброжелательно к нему настроенный Ф. И. Шалапин. Называя осуждающих Горького «водо-возамы морали», Федор Иванович объясняет, что Алексей Максимович «собирал старые ружья, какие-то китайские пуговицы, то испанские гребенки, и, вообще, всякий брик-а-брак» (собрание безделушек). Шалапин, не соглашаясь с теми, кто утверждал, что «пользуясь бедою и несчастьем аристократов и богатых людей, Горький за гроши скупает у них произведения искусства», замечает: «Он глубоко страдал и душу свою, смею сказать, отдавал жертвам революции» (Ф. И. Шалапин «Маска и душа. Мои сорок лет на театрах»).

«Комната Горького и его рабочий кабинет завалены изваяниями Будды, китайским лаком, масками, китайской цветной скульптурой», «богатейшая библиотека» (Ю. П. Анненков).

Н. Берберова в книге «Железная женщина» пишет, что в феврале 1925 года Буревестник решил продать на аукционе Сотби коллекцию нефритовых фигурок,

вывезенную им в Италию. Она привела несколько версий происхождения коллекции — от присвоения под видом «спасения художественных ценностей» нефрита из Эрмитажа («это была клевета») до подарка, преподнесенного ниспровергателю директором Петербургского частного коммерческого банка Э. К. Груббе.

В 1919 году Горький «убеждает» Ленина освободить великих князей («среди них был великий историк Николай Михайлович и Павел Александрович») и в этом успевает. Горький радостно возбужденный едет в Петербург с бумагой. И на вокзале узнает об их расстреле — вспоминал Шалапин.

В 1921 году, «по словам Горького, ему уже удалось добиться в Москве обещания сохранить жизнь Гумилева, но петербургские власти как-то узнали об этом и поспешили немедленно привести приговор в исполнение» — писал Замятин.

«Арестованным, за которых хлопотал Горький, нередко грозила худшая участь, чем если бы он за них не хлопотал» — констатирует Ходасевич, объясняя такое положение неприязненными отношениями между Горьким и начальником Петрограда Зиновьевым.

Стиль Горького «сталинского периода» угадывается уже в дооктябрьских выступлениях «Новой Жизни». Цитируем ответ негодующего Буревестника на обвинения против видных большевиков, заодно и Горького, в получении денег от кайзеровской Германии. Потрясают красочные эпитеты и сочные определения, более подходящие для ссоры на коммунальной кухне, в Вороньей слободке: «Гнусная клевета против меня, которую вы глупо пустили...» «вы поместили в несколько газетках очень запутанную статью, смысл которой вполне ясен», «вашу дружную клевету», «думаю, что вас кто-то учит, сами вы едва ли способны на крупную гнусность» (подчеркнуто нами — Ю. Г.) Это все в открытом письме известному революционеру, историку освободительного движения в России, разоблачившему в свое время Азефа, Владимиру Львовичу Бурцеву. Заканчивал письмо Горький прямо по-нищенски: «Не вам, жалкий человек, судить и обвинять меня».

Сознание Горького в определенной степени было большевизовано уже в период его более чем скромного «противостояния красному террору». Писатель делил людей на «нужных», «ненужных», «полезных» и «бесполезных» для торжества того порядка, который лично ему представлялся справедливым. Абстрактный гуманизм и всякие там слезы ребенка не слишком смущали чувствительную душу (по воспоминаниям современников, Горький был слезлив).

В голодном 20-м году «в многокомнатной и удобнейшей квартире Горького не было, однако, ни в чем недостатка: друг Ленина и завсегда Смольного, Горький принадлежал к категории «любимых товарищей», основоположников нового привилегированного класса. «Любимые товарищи» жили зажиточно» — вспоминает Анненков.

Но вот иное: «У Горького только один-единственный костюм, который на нем» — писал Герберт Уэллс («Россия во мгле»). И

Анненков и Уэллс — по-своему расположенные к Горькому мемуаристы. Анненков вхож в дом Горького. Уэллс останавливается у него, посещая Советскую Россию. Интересно, каким образом зажиточному Горькому удалось достичь поразительного эффекта, произведенного на Уэллса? Подозревать англичанина в откровенной лжи у нас нет оснований...

Горький, создавая «Центральный Комитет по улучшению быта ученых» (Цекубу), рассуждал: «Революция их сильно обидела. Нужно им дать по шоколадке, это многих примирит с действительностью (и ведь угадал! многих примирит!) Ю. Г. и внутренне поддержит» (Ю. Анненков).

Нравилось, возможно, бывшему босяку швырнуть облодок с богатого стола бывшему барину... Впрочем, будем справедливы: ученые и впрямь были нужными людям.

Еще одно наблюдение Уэллса. В разговоре с Бакаевым, бывшим главой петроградской ЧК и одним из молодых руководителей партии Залуцким, Горький «совершенно свободно оспаривал их крайние взгляды. Это было вполне убедительное доказательство свободы слова» — сообщал Уэллс, заблудившийся во мгле России 20-го года. Знал ли Уэллс, что даже горьковская газета была запрещена в 1918-м?..

«Пишу при вонючей кухонной лампочке, дожигаю остатки керосину. Как больно, как оскорбительно. Каприйские мои приятели, Луначарские и Горькие, блюстители русской культуры и искусства, приходившие в священный гнев при каждом предостережении какой-нибудь «Новой Жизни» со стороны «царских опричников», что бы вы сделали со мной теперь, захватив меня за этим преступным писанием при вонючем канделябре, или на том, как я буду воровски засовывать это писание в щели карниза?» (И. А. Бунин «Окаянные дни», запись от 19 апреля ст. ст. 1919, большевистская Одесса).

Куда как противоречив Горький, он действительно подписал вместе с другими ходатайство в Президиум Петроградской ЧК «об освобождении Н. С. Гумилева» (О. Хлебников, «Шагреневые переплеты»). Назвал «позором для демократии» закрытие «буржуазных газет» («Новая Жизнь» № 179, ноябрь 1917), хотя при этом большевистский сленг явно преследует его: большевики, устроившие от власти многопартийное левое правительство, для него «демократы», пусть и опозорившиеся слепка; а кадетская «Речь» — «буржуазная газета», хотя конституционные демократы были, скорее, «профессорской партией».

Он даже осудил арест и заключение своего врага Бурцева («Новая Жизнь», № 179). «Изошла совесть» — написал, потрясенный убийством Шингарева и Кокошкина. Угрозы большевистской «Правды» развязать массовый террор назвал «арифметикой безумия и трусости» («Новая Жизнь» № 51).

Но, отмечая, что «в «Правде» различные зверюшки наускивают пролетариат на интеллигенцию», не забывал сообщить, что «в «Нашем Веке» хитроумные мокрицы наускивают интеллигенцию на проле-

тариат» («Новая Жизнь», № 59). И ведь знал о «массовых убийствах буржуазной интеллигенции» («Новая Жизнь», № 51), но: «Теперь большевики опомнились и зовут представителей интеллигентальной силы к совместной работе с ними» («Новая Жизнь», № 59). С одной стороны — зоологическая анархия, которую так деятельно воспитывают вожди из Смольного» («Новая Жизнь», январь 1918); «десятками избивают «буржуев» в Севастополе, в Евпатории, — и никто не решается спросить творцов «социальной» революции: не являются ли они моральными вдохновителями массовых убийств?» («Новая Жизнь», март 1918); но, с другой стороны: «Большевики... лучшие из них — превосходные люди, которыми со временем будет гордиться русская история» («Новая Жизнь», май 1918).

Шалапин вспоминает: «Когда я во время большевистской революции, соевестясь покинуть родную страну и мучаясь сложившейся обстановкой жизни и работы, спрашивал Горького, как брата, что же, он думает, мне делать, его чувство любви ответило мне:

— Ну, теперь, брат, я думаю, тебе надо отсюда уехать.

Отсюда, это значило, — из России. Я уехал гораздо, впрочем, позже его совета, но уехал. Я уже прожил порядочное время за границей, как однажды получил письмо от Горького с предложением вернуться в Советский Союз».

15 ноября 1928 года Горький писал Шалапину: «Очень хотят тебя послушать в Москве. Мне это говорили Сталин, Ворошилов и др. Даже «Скалу» в Крыму и еще какие-то сокровища возвратили бы тебе».

Н. А. Пешкова о встрече Шалапина и Горького в Риме в 1929 году: «Алексей Максимович сказал Федору Ивановичу: «Поезжай на Родину, посмотри на строительство новой жизни, на новых людей, интерес их к тебе огромен, увидев, ты захочешь остаться там, я уверен...».

«Для прославления пафоса труда под редакторством Горького с 1930 г. в СССР стали выходить два журнала: «СССР на стройке» (при редакторстве Пятакова) и «Наши достижения». Увлекался, Горький заставлял себя закрывать глаза на варварские условия и азиатское презрение к человеческой жизни, при которых эти технические достижения осуществлялись. Но он знал о них» (Н. Валентинов, «Встречи с Максимом Горьким»).

1930 год богат закрытыми процессами: в августе — бактериологов, обвиняемые приговорены к расстрелу; в сентябре — работников пищевой промышленности — 48 человек расстреляны. И вот 15 ноября — статья Горького в «Правде» и «Известиях»: «Если враг не сдается — его уничтожают». (Впрочем, если сдается — все равно уничтожают.) А на встрече с «ударниками-каналораемейцами», заключенными, строившими Беломоро-Балтийский канал, Горький изрек: «Я поздравляю вас с тем, чем вы стали. Я поздравляю работников ОГПУ с их удивительной работой, я поздравляю нашу мудрую партию и ее руководителя — железного человека товарища Сталина».

Любимой Закровской в 1933 году

Горький сообщал, что «при открытии Беломорского канала бывший министр путей сообщения Временного правительства Некрасов рыдал от радости, глядя на это достижение» (см. Н. Берберову).

Замятин: «Когда я попытался заглянуть внутрь его и узнать, что теперь думает (вернее, чувствует) «Пешков», я услышал ответ: «У них — очень большие цели. И это оправдывает для меня все».

Теперь лексикон Горького: «вредители-организаторы затруднений...» «успешно вылавливаются, выдерживаются из действительности...» «сеятеля сомнения и уныния, мелкие честолюбцы, лентяи, кандидаты на должность новых паразитов рабочего класса...»

Шалапин: «на общей нам правде прежних лет мы уже не сходимся» (1932).

«Горький был искренним большевиком» (Шкловский).

Горький «полностью посвятил себя идее и делу ленинизма-сталинизма» (Ромен Ролан, из дневника 1935 г.).

Неспроста Троцкий в 1936 году в статье о Горьком отмечает «его слишком вместительную дружбу с бюрократией».

«В городе в его распоряжение был предоставлен многим знакомый дом миллионера Рябушинского», — вспоминает Замятин о 1932-м годе, и далее о соседях-дачниках, Сталине и Горьком: «Соседи», — один — с неизменной трубкой, другой — с папиросой, уединялись и, за бутылкой вина, говорили о чем-то часами».

Уэллс о Горьком 1934-го года: он оказался «сталинистом, защищающим все, что делает Сталин», «свирепо уверен в правоте своего советского патриотизма и даже отвергает — среди других свобод и прав человека — право женщин не иметь детей».

Словно было два Горьких... Но это один и тот же человек — Алексей Максимович Горький — руководил газетой, в которой осуждал большевиков за бесчинства — и оправдывал их людоедскую практику вегетарианскими намерениями; пытался познакомить Россию с мировой культурой и мировой историей, но собирався предвзвительно обкарнать культуру и историю так, чтобы они соответствовали вульгарным марксистским схемам, чтобы подтвердить правоту цитат из руководящего наследия неудачливого адвоката и погромных речей недоучившегося семинариста.

«Мнимая «свобода» босяков — не свобода, а своеволие — писал Мережковский, отмечая «босяцкие» привязанности Горького, — а своеволие — начало всякого рабства». («Горький и Достоевский», 1913). Горький был своеволен, кончил восторгами по поводу рабского труда, не заметив в строительстве Беломоро-Балтийского канала страшную пародию на Древний Египет.

Ленинский гипноз действовал не на всех. Из людей безусловно талантливых и не абсолютно аморальных, так подавляюще, наверное, — только на Горького.

Выйдя из темного царства нижегородских торговцев, Алексей Максимович попал на дно российских ночлежек и нелегальных квартир. И потом всю жизнь любил материальную культуру, т. е., как и другие немногие небескультурные большевики, нес не культуру, а цивилизацию, оказываясь конквистадором в родной стране — нес огнем и мечом, а не Словом.

Страшно и больно сегодня думать об этом человеке, чья личная трагедия, совпав с трагедией страны, усугубила муки людей, которых он любил какой-то страшной, ненавидящей любовью...